

© 1992 г., ЭО, № 3

В. И. Козлов

МЕЖДУ ЭТНОГРАФИЕЙ, ЭТНОЛОГИЕЙ И ЖИЗНЬЮ

Статья В. А. Тишкова «Советская этнография: преодоление кризиса» («Этнографическое обозрение», 1992, № 1, с. 5—19)¹ представляется мне весьма актуальной, а высказанные в ней идеи о современном состоянии этой науки и ее дальнейшем развитии очень важными. Последнее особенно относится к конкретным предложениям, так как высокое административное положение В. А. Тишкова (директор Института этнологии и антропологии Российской Академии наук) позволяет ему в той или иной степени проводить свои взгляды в жизнь. В этой связи должен сказать, что автор в своем критическом анализе некоторых негативных сторон научной жизни, например «власти должности и власти научного авторитета» (с. 6), поступает достаточно этично, когда не называет конкретных имен с напрашивающимися в таком случае «оргвыводами», но и его рассуждения, приобретшие умозрительный характер, порой настолько резки, а выводы настолько радикальны, что у части этнографов они, вероятно, вызовут лишь испуг, а не размышления, к которым, как я понял, призывает автор.

Скажу сразу, что согласен со многими положениями статьи В. А. Тишкова и прежде всего с тем, что советская этнография, как, впрочем, и другие общественные науки, действительно переживает кризис. Однако некоторые существенные элементы такого кризиса представляются мне иными, чем В. А. Тишкову, а потому и пути преодоления их усматриваются в другом. Дискуссия в журнале, очередные номера которого выходят через 2 месяца, осложнена хронологическим разрывом. Это побуждает меня кратко напомнить читателям основные рассуждения и выводы В. А. Тишкова, как я понял их, преодолев местами эссеистский стиль изложения и резкость некоторых безадресных, так сказать, недомолвок.

Статья В. А. Тишкова состоит из трех разделов. В первом из них — «О власти и переоценках в науке» — говорится о том, что изменение общественно-политической ситуации в стране и «взбунтовавшийся» предмет этнографической науки, «особенно отечественная политизация этничности и этническое насилие» вызвали необходимость «строгого критического анализа прошлого» и «общественного покаяния» (с. 5). Однако вследствие «всеобщей эрозии нравов, эгоцентризма, депрофессионализации и внутренней несвободы, которые стали второй натурой советских людей» (там же) провести такой анализ трудно. В этой связи автор вспоминает американских коллег, которые 1—2 раза в десятилетие по «подсечно-огневой системе» устраивают, ко всеобщему удовольствию, ниспровержение авторитетов, между тем как в советской науке все еще сохраняется власть авторитетов, обычно подкрепленная властью должностей, и поэтому некоторые признанные теоретики «так и ушли из жизни, не испытав удовлетворения быть опровергнутыми своими коллегами и учениками» (с. 7).

Полезность и даже необходимость пересмотра этнографических концепций и ниспровержения авторитетов В. А. Тишков мотивирует относительностью этнографических выводов, во многом зависящих от подготовленности и позиций исследователей, а также от динамичности предмета исследования. По его мнению, «этнос, как и формации, есть умственные конструкции, своего рода „идеальный тип“, используемый для систематизации конкретного материала... В действи-

тельности же... есть некое культурное многообразие, мозаичный, но стремящийся к структурности и самоорганизации континуум из объективно существующих и отличных друг от друга элементов общества и культуры» (с. 7, 8), сочетания которых различные авторы могут представлять по-разному.

Остановившись на названии самой науки, В. А. Тишков отдает предпочтение термину «этнология», уже применявшемуся в университетском образовании конца 1920-х — начала 1930-х годов и более привлекательному, по его мнению, как для молодого поколения, так и для «деятели высшего образования, могущих способствовать созданию хотя бы десятка самостоятельных этнологических факультетов или отделений в отечественных вузах. «У этнологии и антропологии, — пишет он, — есть свой отчетливый предмет — это изучение народов и культур, их взаимодействий, анализ сложнейшего социального феномена — этничности, а также свой отличительный метод — это основанная на включенном наблюдении полевая работа и приемы анализа культурных явлений» (с. 8). Термин «этнология», как считает В. А. Тишков, позволит советским ученым более легко интегрироваться в «мировом сообществе этнологов и антропологов» (с. 9).

В тесно связанном с этими рассуждениями втором разделе статьи — «Этнография как цеховая основа дисциплины» — В. А. Тишков поясняет, что рассматривает этнографию «как метод собирания знания и важнейшую форму его текстуализации. Этнография — это прежде всего то, что ученый делает в поле» (с. 10). Такая советская этнография сравнительно мало пострадала от «существовавшего режима», но ее развитие было, по мнению автора, недостаточным из-за небрежения работой в поле, чему западные ученые уделяет больше времени. Многие советские этнографы (особенно специалисты по зарубежным народам) заняты, по выражению В. А. Тишкова, «уточенной книжной компиляцией», «равнодушно проходя мимо пикетов турок-месхетинцев на столичной площади, не говоря уж о том, чтобы полететь за интервью в Баку, Кызыл, Узень или кочевать с эвенком-оленеводом» (с. 11). «Видимо, пришла пора, — пишет он, — совместно с вузовскими коллегами серьезно пересмотреть подготовку научной молодежи, введя как обязательный элемент профессионализации длительную полевую работу (6 месяцев университетского обучения и не менее года для кандидатской диссертации)» (там же). Именно такая полевая работа, по мнению В. А. Тишкова, приблизит советских этнографов к мировой науке, где самым распространенным видом творчества «является авторская монография о той или иной общине, обстоятельное исследование которой раскрывает социально-культурный механизм жизнедеятельности коллективов, а значит, и облик всей этнической группы» (с. 12).

Третий раздел статьи В. А. Тишкова — «Этнография научного сообщества» — начинается с вывода о негативных сторонах сложившейся научной этики. «Тело нашей науки больно, — пишет он, — причем сразу несколькими болезнями, и одна из них — наиболее серьезная и менее всего ощущаемая — это отсутствие рефлексии и самоанализа...» (с. 16), т. е. недостаточность критического отношения к себе и коллегам. Неблагоприятное влияние на выбор тем исследований и стиль работы оказывает, по его мнению, деформированность «половозрастной структуры членов профессии (явная феминизация и позднее становление исследователя)», а также «этническая и политическая заангажированность ученого» (с. 16, 17), особенно научных работников в национальных республиках. В этой связи он выступает против утвердившейся якобы в нашей обществоведческой традиции практики «надменности собственного провидения» (с. 18) и пишет: «Не ставлю под сомнение искренность и самоотверженность лидеров национальных движений и ученых-политиков, но только хотел бы напомнить коллегам, избравшим ныне вместо академических штудий политический активизм и государственную деятельность, некоторые заповеди из этического кодекса профессиональных этнографов. Возвращая народу полученные от него же информацию и знание, а) не навреди ему, б) не формулируй проблему там, где ее не видит сам народ, в) не бери на себя функции самого народа» (с. 18).

Прошу извинения у В. А. Тишкова за то, что в своем кратком обзоре его весьма насыщенной идеями статьи, возможно, упустил что-то, представляющееся ему важным, и перехожу к изложению некоторых собственных соображений по рассматриваемым вопросам.

Начну с того, что для меня частые сравнения советских этнографов с их коллегами — культурными или социальными антропологами западных стран, прежде всего США — с целью заимствования их опыта не имеют большой доказательной силы. В. А. Тишков сам хорошо знает, что общественные науки в США представлены главным образом деятельностью профессорско-преподавательского состава соответствующих отделов и кафедр в университетах и колледжах. И хотя общее число таких этнографов в США измеряется тысячами, средняя концентрация их на каждое учебное заведение обычно составляет 10—15 человек, зачастую сильно дифференцированных по узко научным интересам: скажем, один из десятка изучает искусство батикования в Индонезии, другой — религиозную ситуацию в Танзании, третий — динамику структуры семьи в феодальной Англии и т. п. Будучи объединены только административно, такие этнографы фактически не образуют научного коллектива, собственно научной работой из-за загруженности лекциями и семинарами обычно занимаются мало, главным образом в положенный им для этого каждый седьмой год, а со своими коллегами по близкой тематике общаются преимущественно через журналы или на междуниверситетских конференциях и симпозиумах.

Все это сильно отличается от ситуации в нашей стране, где научная жизнь была сосредоточена главным образом в учреждениях Академии наук, в данном случае в Институте этнографии (ныне этнологии и антропологии), а также в подразделениях республиканских академий наук и научно-исследовательских институтов. Такая система не вполне способствовала популяризации этнографической науки и подготовке ее научных кадров через высшие учебные заведения, но она имела и свои преимущества, обусловленные концентрацией научных сил, возможностями повседневных контактов «по интересам» и более эффективного контроля за качеством научных работ. Что же касается сравнительно раннего «остепенения» зарубежных, в том числе и американских, этнографов, то оно не должно вводить в заблуждение. Мне не раз приходилось общаться с американскими учеными как в престижных, так и в рядовых университетах и должен сказать, что в научном отношении их «доктора» и «профессора» в среднем уступают нашим. В целом условия научной жизни в США могут способствовать появлению кратковременных «авторитетов» и не вполне продуманных концепций, с которыми потом приходится поступать по явно понравившемуся В. А. Тишкову принципу «подсечно-огневой системы»; у нас есть больше возможностей критиковать такие концепции на стадии их зарождения и оформления. т. е. еще до того, как они «пошли в рост». Вот по уровню материально-технического обеспечения американские ученые действительно намного превосходят советских, но эта проблема касается уже экономики, которая и в ближайшем будущем не сулит нам радостей.

Основной смысл любой науки, в том числе и этнографии, переименованной или преобразуемой ныне в этнологию, заключается в получении нового и более правильного знания о закономерностях развития природы и общества на основании анализа фактического материала, добытого самим исследователем или полученного, но недостаточно использованного другими. При этом настоящего ученого характеризует не столько его информационная память, очень ценящая дилетантами всех уровней, сколько способность к аналитической деятельности. Вспоминается в этой связи давно услышанный мною рассказ об академике Н. Д. Зелинском, которому какой-то пришедший журналист стал петь дифирамбы о его феноменальных знаниях. «Молодой человек, — сказал ему ученый, указывая на шкаф с многочисленными томами нескольких энциклопедий, — в этом шкафу в сто раз больше знаний, чем в моей голове, но я — академик, а он — шкаф!». Вспоминаю и давнее — еще в 1960-х годах — выступление на Ученом совете Института этнографии АН СССР нашего крупного ученого Б. О. Долгих, который,

отметив явное преобладание научных работ описательного типа и нехватку аналитических работ, сравнил этнографию с человеком, страдающим от ожирения из-за плохо усваиваемой в его организме пищи. В последующие годы часть этнографического материала была проанализирована и в какой-то степени «усвоена» в монографиях и статьях по теории этноса и этнических процессов, но одновременно не прекращался и поток описательных работ, дальнейшее накопление не вполне проанализированной в теоретическом отношении информации.

Мне достаточно понятно почти восторженное отношение В. А. Тишкова к полевой этнографической работе, дающей оригинальную информацию, но я не понимаю его явно пренебрежительного отношения к аналитически-творческой деятельности. Призывы к этнографам «полететь за интервью в Баку, Кызыл, Узень», где были межэтнические столкновения, это, простите, призывы к соревнованию с журналистами, имеющими в этом отношении много преимуществ. А вот призывы «кочевать с эвенком-оленеводом» и вообще увеличить продолжительность полевых работ до года, проводить их с полным, так сказать, погружением в изучаемую этническую группу, как это практикуют якобы зарубежные коллеги, внешне выглядят более основательно и заслуживают обсуждения.

Достичь полного погружения в изучаемую группу удавалось лишь немногим этнографам, каждый из которых жил в такой группе несколько лет, хорошо знал ее язык и тем или иным способом роднился с ней. Известно, что даже незабвенный Н. Н. Миклухо-Маклай не достиг этого: он так и остался для папуасов «человеком с Луны», чужаком, которому отнюдь не следует открывать, например, смысл каких-то полутайных обрядов. Явно без погружения в объект исследования работала на островах Океании вначале прославленная, а затем раскритикованная М. Мид. Целесообразно остановиться в этой связи и на упомянутом в статье В. А. Тишкова исследовании одной из бурятских колхозных общин, проведенном английским антропологом К. Хэмфри. Поездка молодой, плоховато говорившей тогда по-русски англичанки в Бурятию в начале 1970-х годов, помнится, произвела переполох; не сомневаюсь, что за ней там был установлен негласный надзор. Следует признать, что многие наблюдения К. Хэмфри были поверхностными, а выводы довольно наивными, хотя на бледном фоне публикаций других зарубежных этнографов-советологов ее книга действительно являлась, как отметил В. А. Тишков, «одной из лучших... работ по Советскому Союзу» (с. 13) и потому заслуживала своевременной рецензии.

Полевая работа с той или иной степенью погружения в изучаемую этническую группу, особенно если эта группа ведет полукочевой образ жизни в тайге или тундре, тяжела и довольно опасна. Уместно напомнить печальный случай начала 1950-х годов, когда одна из молодых сотрудниц Ленинградской части Института этнографии АН СССР отправилась кочевать с чукчами-оленеводами и была превращена в наложницу, передаваемую из одного рода в другой. Различные опасности подстерегают и мужчин: сотрудник Московской части того же института и мой товарищ В. А. Туголуков, побывавший задолго до призыва В. А. Тишкова почти у всех групп эвенков-оленеводов от Енисея до Приморья, судя по всему, на одном из кочевых маршрутов попал в местность с повышенной радиацией, что привело к лейкомии и трагическому концу. Впрочем, и наши обычные полевые работы «наездом» на арендованной грузовой машине с отрядом в 7—10 человек отнюдь не всегда проходят без осложнений; мне самому в течение десятилетнего периода исследований в Закавказье не раз приходилось бывать в трудных ситуациях, например на опасном участке горной дороги отправлять сотрудников пешком, а самому ехать с водителем, подбадривая его и держа дверцу кабины на всякий случай открытой. С обострением межэтнических отношений во многих районах страны появились, разумеется, новые трудности проведения этнографических экспедиций.

Прошу не рассматривать сказанное как попытку умалить действительно важное значение полевых исследований или напугать молодое поколение этнографов,

искренне увлеченных «романтикой дальних дорог» или просто стремящихся усердно выполнить экспедиционную практику. Речь идет лишь о том, что к полевой работе нужно относиться серьезно и, во всяком случае, не так, как к любительскому туризму, дающему интересную информацию и острые ощущения. В словах В. А. Тишкова о том, что «во многих отношениях Советский Союз остается этнографическим Эльдorado» (с. 12), есть доля правды, но ведь и искатели мифического Эльдorado не надеялись, что там все деревья увешаны золотыми цепочками, и были готовы к трудностям. Каждый экспедиционный выезд студента, аспиранта или научного сотрудника должен быть достаточно оправдан, так как информация, собранная в поле, хотя и отражает специфику этнографических исследований, но сама по себе еще не обеспечивает должный научный уровень решения той или иной проблемы; для этого требуются теоретическая подготовка и, повторяю, аналитические способности исследователя. Во многих случаях для этого требуется и большой сравнительный материал, которого молодой этнограф, направленный на полгода или год в удаленную этническую группу ради эффекта погружения в нее, естественно, получить не может.

Для сбора полевого материала по локальным проблемам вообще более подходят не сотрудники центральных учреждений, а местные этнографы и краеведы, общее число которых, кстати сказать, во много раз превышает численность сотрудников «советских» отделов Института этнологии и антропологии РАН. Вместе с тем распад Союза вносит в отношения прежнего «центрального» научного учреждения с «периферийными» все новые и новые коррективы. Так, московские сотрудники, занимавшиеся этнографией Прибалтики, фактически уже присоединились к «зарубежникам», обреченным в большинстве случаев на компилятивную работу; вероятно, вскоре за ними последуют и специалисты по этнографии некоторых других бывших союзных республик. Вследствие перехода института в Российскую Академию наук для полевых работ за пределами Российской Федерации возникают новые осложнения; несомненно усилятся трудности экспедиционной работы и в некоторых бывших автономиях самой федерации, добывающихся большего суверенитета. В этой ситуации наиболее перспективными в научном плане представляются не одиночные выезды с длительным погружением и не экспедиции по узким темам, а крупные комплексные экспедиции (которые могут оказаться не по силам этнографам национальных республик) для разработки важных и актуальных проблем (возможно, на контрактной или хозяйственной основе), а также крупные кросскультурные (в том числе и межреспубликанские) исследования. Была бы полезна и переориентация части таких исследований с сокращением в них господствовавших ранее типологических схем и усилением, скажем, этноэкологической направленности. Но для этого необходимы как этнографы-собиратели, так и этнографы-аналитики, которых сейчас мало.

Возвращаясь к уже рассмотренным вопросам, должен сказать, что переименование Института этнографии в Институт этнологии, т. е. «народоописания» в «народоведение», казалось, преследовало не только цели макиажа, о чем в сущности пишет В. А. Тишков, но и усиление реализации именно аналитического потенциала. Показательно, что именно такое содержание видел в этнологии упомянутый В. А. Тишковым профессор П. Ф. Преображенский — автор первого (и последнего) университетского «Курса этнологии» (М.; Л., 1929). Поэтому предложение В. А. Тишкова намного усилить полевую этнографическую работу как таковую, без указания ее конкретных направлений и задач было для меня несколько неожиданным.

Основные причины кризисных явлений в советской этнографии, по моему мнению, все же не сводились к какому-то неправильному соотношению между полевой и кабинетной (в том числе аналитической) работой. Очень важной, если не важнейшей, причиной этого кризиса, по моему разумению, было давление на этнографию, как и на другие общественные науки, марксистско-ленинской идеологии и аппарата ЦК КПСС, пытавшегося превратить ученых в покорных

слуг. В статье В. А. Тишкова этому фактору не уделено должного внимания, поэтому остановлюсь на нем несколько подробнее.

История советской этнографии второй половины XX в. еще не написана, но старшее поколение, вероятно, помнит, с каким трудом приходилось отстаивать научную объективность под напором как догматической, так и конъюнктурной «партийности». Кстати сказать, отмеченный выше сдвиг в сторону описательных этнографических работ был в какой-то степени вызван желанием истинных ученых сохранить научную объективность и порядочность в условиях, когда подлинно творческий анализ фактического материала в рамках утвердившихся методологических схем был по существу невозможен, а попытки уложиться в эти схемы обычно приводили к результатам, которых следовало стыдиться. Ограничиваясь опытом своих научных исканий второй половины 1950-х — начала 1960-х годов, вспоминаю большие усилия, с которыми мне удалось «реабилитировать» по существу запрещенный в сталинские годы, а ныне широко используемый термин «ассимиляция» применительно к этническим процессам в СССР. Разрабатывать теорию этноса в то время было вообще невозможно. В этой связи вспоминается экзекуция, которая была устроена мне в начале 1960-х годов на двухдневном семинаре в Институте этнографии за реферат с критическим анализом сталинской теории нации; не стану рассказывать о выступлениях ныне здравствующих и даже числящихся «демократами» коллег, но вот, например, бывший заместитель директора института И. И. Потехин обличал меня в том, что я, дескать, «старюсь выбить из рук партии испытанное оружие». Несмотря на XX съезд КПСС, времена тогда были суровыми, и от «оргвыводов» меня спасли лишь соответствующие ссылки на труды В. И. Ленина...

Уместно сказать и о том, что поднявшийся в последние годы почти во всех республиках вал национализма, во многом определившего превращение «перестройки» в «катастрофу», был «неожиданным» лишь для тех, кто носил розовые очки официального оптимизма; в действительности симптомы этого явления были замечены учеными еще во второй половине 1970-х годов. Стоит рассказать о том, как готовились материалы по национальному вопросу, например, к очередному «историческому» XXVI съезду КПСС (март 1981 г.). Курировавший подготовку этих материалов академик Ю. В. Бромлей собрал записки по национальной ситуации, выполненные в советских секторах Института этнографии, а также в Институте экономики и Институте государства и права АН СССР, поручил мне написать большую сводную записку, а затем пригласил в ней некоторые резкости и повез на показ тогдашнему вице-президенту Академии наук СССР и члену ЦК КПСС акад. П. Н. Федосееву. По рассказу Ю. В. Бромлея, тот довольно внимательно просмотрел записку и положил ее в сейф с секретными материалами, сказав, что такую негативную информацию он отправлять в секретариат готовящегося съезда не намерен. На самом же съезде вновь прозвучал тезис об успешном якобы решении национального вопроса в СССР, о сформировавшейся новой исторической общности людей — «советском народе» и т. п. Поэтому, когда позже М. С. Горбачев бросил советским общественоведам упрек в том, что они во многом сводили свои работы по национальным отношениям в СССР к «заставным тостам», основную вину за это ему следовало бы переложить на тех деятелей от науки и высших партийных чиновников, которые буквально диктовали научным работникам всех рангов желательные выводы и отсеивали неблагоприятную информацию.

В настоящее время благодаря допущенной гласности и развалу еще недавно казавшейся несокрушимой КПСС с ее «непобедимым» учением марксизма-ленинизма возникли условия как для объективного анализа этнокультурной ситуации в стране и развивающихся межнациональных отношений, так и для разработки важных общетеоретических проблем. Однако такая исследовательская деятельность осложняется несколькими обстоятельствами. Об одном из них, обусловленном обострением национальных чувств и резкой реакцией местной интеллигенции на объективный анализ ситуации в их республиках, В. А. Тишков

уже упомянул, а поскольку при этом была мимоходом названа и моя фамилия, должен пояснить, что речь идет о моем анализе этнодемографических процессов в республиках Средней Азии с выводом о неблагоприятных социально-экономических последствиях продолжающегося там «демографического взрыва»². Пользуясь случаем, хочу заверить моих рассерженных среднеазиатских (и отчасти казахстанских) коллег, что у меня и в мыслях не было навязывать им какие-то меры по снижению традиционно высокой рождаемости; если такие меры пока представляются им нежелательными, то это — их беда; боюсь лишь, что в ближайшем будущем им, возможно, не останется ничего другого, как только уповать на милосердие Аллаха. Особенно сложно анализировать межнациональные конфликты, так как обычно ни одна из сторон не оказывается довольной объективным подходом, каждая ждет от науки симпатии прежде всего к ней.

Приведенные В. А. Тишковым применительно к таким случаям заповеди из какого-то «этического кодекса профессиональных этнографов» по отношению к народу, которому они якобы возвращают полученные от него знания, — «не формулируй проблему там, где ее не видит сам народ» и «не бери на себя функций самого народа» (с. 18) — показались мне несколько странными, так как в них наука фактически подчиняется обыденному сознанию, а если учесть, что уважаемый автор видит в народе (этносе) всего лишь «умственную конструкцию», то и требующими дополнительных пояснений, касающихся распространенной ныне среди советских ученых концепции этноса. Впрочем, идея обоснования этического кодекса этнографа (этнолога) применительно к теперешней этнически обостренной жизни кажется привлекательной, а потому должен сказать, что, по моему мнению, никакие популистские соображения не должны препятствовать исследователю выявлять истину, не должны подрывать основы самой науки. Как говорил А. С. Пушкин: «Зависеть от царя, зависеть от народа — все ли нам равно?...».

Другое обстоятельство, препятствующее должному развитию этнологии (этнографии) в нынешних условиях, В. А. Тишков усматривает в болезнях «тела нашей науки» и прежде всего в «отсутствии рефлексии и самоанализа», но это яркое и в целом справедливое замечание нуждается в анализе причин таких болезней. Думаю, что происхождение их связано с некоторым снижением среднего уровня ведущих научных сотрудников, что определилось примерно с середины 1970-х годов, когда ученая степень стала считаться не столько знаком научного отличия, сколько средством жизнеобеспечения и когда в науку, как тогда говорили, «пошел середняк». Правда, в центре это проявлялось слабее, чем на периферии, а в этнографии намного слабее, чем, скажем, в такой «научной дисциплине», как «история КПСС», но все-таки коснулось это и Института этнографии; распространилось негласное правило — «живи сам и давай жить другим!»; подбор официальных рецензентов и оппонентов стал определяться не столько их знанием проблематики завершенной работы, сколько готовностью дать положительный отзыв с минимумом критических замечаний, а нарушители таких правил, «возмутители спокойствия», подвергались осуждению. Попытки наладить систему учета научного труда по его количеству и качеству благополучно отвергались, что, впрочем, соответствовало и общим принципам социалистической уравниловки; фактически за одинаковую зарплату один сотрудник мог из года в год давать, скажем, по 10 авторских листов публикаций, а другой — раз в пять меньше.

Не буду переходить на личности, но полагаю, что у каждого непредвзятого читателя, который ознакомится с дискуссиями по различным проблемам этнографической науки, проходившими на страницах «Советской этнографии» (включая и сообщения о методологических семинарах), может создаться впечатление о наличии среди этнографов (этнологов) всего лишь примерно двух десятков действительно творчески мыслящих ученых, обеспокоенных в той или иной степени развитием этой науки. Для того чтобы добиться нового прогресса в этнологии, основанного на более массовой «рефлексии», этого явно недостаточно;

словесные призывы здесь должны усиливаться какими-то организационными мероприятиями. Одним из них является доработка системы учета научного труда по его количеству и качеству, соответствующей принципам «рыночной» экономики и позволяющей более эффективно поощрять талантливых и трудолюбивых со-трудников, по возможности избавляясь от бесталанных и нерадивых. Другим мероприятием, в какой-то степени связанным с первым, является давно задуманная, но так и не осуществленная разработка перспективного плана развития Института этнологии с выделением особо важных тем и применением контрактной системы.

Пользуясь случаем, хочу обратить внимание на желательность рассмотрения, хотя бы в дискуссионном порядке, вопроса об отношении к историческому материализму, который еще недавно считался философско-методологической основой этнографии, а ныне оказался на грани полного отвержения. Вдаться в детали этой проблемы в рамках данной статьи нецелесообразно, но должен сказать, что учение Маркса о базисе и надстройке и о социально-экономических формациях представляется мне отнюдь не антинаучным. Замечание В. А. Тишкова о том, что формация — это всего лишь «умственная конструкция», не лишено основания, но следует учесть, что даже для прагматического мышления недостаточны только «голые», так сказать, факты и что в обобщающих теоретических работах без «умственных конструкций» никак не обойтись. Немало правильных положений, кстати сказать, есть и в работах В. И. Ленина; следовало бы давно заметить, что многие события в теперь уже бывшем Советском Союзе соответствовали рассмотренной им стадии раннего капитализма. Сюда относятся как процессы первоначального накопления капитала в их наиболее простой — посредническо-спекулятивной форме, так и стремление формирующейся национальной буржуазии в конкурентной борьбе опереться на свой этнос и отгородиться от инациональной буржуазии государственными границами.

Слова В. А. Тишкова о неблагоприятном влиянии, которое оказывает на развитие этнологии (этнографии) деформированность «половозрастной структуры членов профессии (явная феминизация и позднее становление исследователя)» (с. 16, 17), можно истолковать в смысле необходимости повышения процента молодых мужчин и их более быстрой «остепененности». Возражать против такой идеи в принципе трудно, тем более что обремененные домашними заботами женщины в последнее время вынуждены все больше отвлекаться от научной деятельности. И все же на первое место следует ставить не пол и возраст, а наличие способности к исследовательской работе, ибо при отсутствии оной молодые мужчины должны искать место употребления других своих способностей.

И в заключение остановлюсь несколько подробнее на затронутом в статье В. А. Тишкова важном вопросе о политизации этнологической науки, об участии этнологов в политической жизни страны и — шире — о взаимоотношении науки и политики. Показателен, конечно, тот факт, что среди народных депутатов всех уровней почти не оказалось этнографов, которые по своему научному статусу могли бы произвести такое же, скажем, впечатление, как многие десятки экономистов с учеными степенями докторов наук и со званиями профессоров и академиков. Но свидетельствует ли этот факт о каком-то «кризисе» этнографической науки и призывает ли он к какому-то «гражданскому покаянию» этнографов? Можно считать, что нет! Уж если кто и должен сейчас каяться, так это в первую очередь экономисты, всенародно показавшие свою неподготовленность к решению трудных проблем «перестройки» и в немалой степени способствовавшие превращению ее в «катастрофу». Очевидно, должны покаяться и многочисленные юристы всех уровней, так и не понявшие, что юридические формулировки обсуждаемых законов дают хорошие результаты лишь тогда, когда в основе их лежат правильные идеи, а без таких идей законотворчество может лишь ухудшить ситуацию. Тот факт, что научный потенциал этнографов (этнологов) не был должным образом востребован властью имущими и за власть борющимися, опять-таки может быть поставлен не в вину незатребованным

специалистам, а в вину и беду недостаточно сообразительным политическим деятелям.

Тем не менее меня продолжает мучить мысль о том, что было бы, если бы М. С. Горбачев и его ближайшие соратники вовремя поняли бы громадную важность учета национальных факторов и необходимость умелого регулирования национальных отношений и в связи с этим решили бы создать при верховном правителе группу хороших экспертов по этим вопросам? Что было бы, если бы руководство Академии наук СССР также осознало бы важность национального вопроса и за счет предоставленного академии лимита депутатских мест выделило бы два-три места для этнографов? Кто мог бы войти в группу таких экспертов и депутатов кроме В. А. Тишкова, которому такая миссия была положена, так сказать, уже по штату, и не продемонстрировали бы эти выдвиженцы-избранники либо свою недостаточную компетентность и чинопочитание, либо, как, например, экономисты, большую противоречивость мнений? Последнее достаточно обнаружилось в дискуссионных статьях по национальной ситуации и национальной политике, появившихся за последние годы в журнале «Советская этнография», когда одни авторы доказывали экономическую полезность развала Советского Союза, а другие — тяжелые последствия такого развала, одни в своих рассуждениях защищали, как мне представляется, националистические лозунги типа «Эстония — для эстонцев!», «Грузия — для грузин!» и т. п., а другие — гражданское равноправие вне зависимости от национальной принадлежности людей³. Вынесение таких разногласий на высокую трибуну депутатских съездов могло бы создать впечатление недостаточной научности этнографии (этнологии) применительно к национальному вопросу и лишний раз показало бы политическим лидерам, что этот вопрос им следует решать, полагаясь не на научных советников, а просто на здравый смысл, и не стратегически, а лишь конъюнктурно-тактически.

В связи с рассматриваемой темой невозможно обойти вниманием успешную политическую карьеру упомянутой в статье В. А. Тишкова бывшей сотрудницы Института этнографии кандидата исторических наук Г. В. Старовойтовой, которая была довольно неожиданно избрана народным депутатом СССР от одного из округов Еревана, а затем — уже с некоторым политическим капиталом — народным депутатом РСФСР от одного из округов Ленинграда. Я хорошо знаю Г. В. Старовойтову, прежде всего по многолетней совместной работе, в том числе в экспедиционных условиях, где можно общаться неформально, готов поклясться, что Бог не обидел ее многими способностями, в том числе и к научной деятельности, но должен сказать, что ее тенденция подчеркивать в публичных выступлениях свою связь с этнографической наукой, к сожалению, не подняла престиж этой науки. В дыму перестроечных баталий при развернувшихся атаках на союзный центр для политической карьеры оказалось вообще вполне достаточно безоговорочно поддерживать уже давно используемый западными «антисоветчиками» тезис о необходимости развала «советской империи», пропагандировать национал-сепаратизм и осуждать «имперские амбиции» русского народа, но к этнографии как таковой это имеет косвенное отношение и во всяком случае представляется спорным. В последнее время, когда Г. В. Старовойтова стала советником российского Президента по национальным проблемам и когда определилась задача не разваливать, а укреплять теперь уже многонациональное Российское государство, не обвинять, а защищать русских, оказавшихся за пределами Российской Федерации, требуются совершенно иные концептуальные установки. Отсутствие таких установок, а также довольно случайный и непрофессиональный состав комиссий и отделов по национальной тематике, созданных при правительстве Российской Федерации, дают основание предполагать, что решение национального вопроса в Федерации еще далеко от должного научно-методологического обеспечения.

Затронутая в статье В. А. Тишкова тема об участии этнографов (этнологов) в политической жизни страны может быть рассмотрена и вне прямой связи с деятельностью современных переходных правительств, т. е. с гражданственно-

этической точки зрения, применительно к формирующемуся демократическому обществу и в развитие известных слов Н. А. Некрасова: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан!». При этом уместно напомнить выдвинутый В. И. Лениным в работе «Государство и революция» (1917 г.) тезис о том, что при социализме все граждане превращаются в служащих по найму у государства. Этот тезис был порочным лишь постольку, поскольку под «государством» здесь Ленин понимал «вооруженных рабочих» (в действительности — стоящих над рабочими партократов); в остальном он отражал суть отношения к бюджетным учреждениям в демократических странах Запада, где налогоплательщики отнюдь не склонны кормить людей, не приносящих им никакой пользы и пытающихся удовлетворять личные интересы за счет государственной казны. Если вновь обратиться к США, то основная часть ученых-обществоведов, включая и этнологов, получает там зарплату за преподавательскую деятельность и занимается привлечательными чем-то для них, но не очень популярными научными сюжетами вроде религиозных верований папуасов на далекой Новой Гвинее главным образом в свободное от основной работы время.

Совершенно иная и довольно странная ситуация сложилась в Советском Союзе. С одной стороны, эта ситуация характеризовалась стремлением партократии, стоявшей во главе государства и регулировавшей всю жизнь общества, умножить число обществоведов, превратив науку в покорную служанку политики, что во многом ей удалось и вызвало, как уже отмечалось, кризис науки, понижение уровня научности. С другой стороны, оформившаяся при Сталине жестокая тоталитарная система (позже сменившаяся несколько более мягкой авторитарной) способствовала возникновению у многих ученых оппозиционных настроений и тенденции отождествлять чувство «гражданственности» с необходимостью служения этой системе, а тем самым и к ослаблению этого чувства. Общий патриотический подъем в годы Великой Отечественной войны против врага, который грозил уничтожением значительной части советских людей и превращением оставшихся в рабов, сменился новой конфронтацией интеллектуалов с властью имущими, что проявилось как в формах более или менее открытого диссидентства, так и в тенденции ухода от конъюнктурного исследования проблем современности, что для этнографов облегчалось «историческим» статусом их науки. Тот факт, что в послевоенные десятилетия большинство работ сотрудников «советских» секторов Института этнографии было посвящено различным аспектам этно-традиционной культуры и быта конца XIX — начала XX в., а то и более ранним периодам, можно объяснить, разумеется, и другими причинами: то ссылками на большую сохранность в прошлом этой традиционности (и тем самым косвенным признанием «несовременности» этнографии), то проступающим желанием и большей легкостью найти в прошлом такую «экологическую нишу», в которой можно считаться единственным специалистом и тем самым избавиться от критики со стороны коллег. Научная общественность отнюдь не осуждала уход от советской современности, а в результате и получилось так, что не только большинство умножавшихся по каким-то причинам сотрудников «зарубежных» секторов, но и многие сотрудники «советских» секторов института оказались в положении лиц, не вполне осознающих свой гражданский долг в науке и фактически мало что дающих обществу за получаемую ими более или менее приличную зарплату. В последние годы, когда поднявшиеся волны национализма потрясли и разрушили прежде во многом единое советское общество, я не раз думал о том, насколько значимой в этом отношении была роль не только республиканских, но и части центральных этнографов, издавна придерживавшихся этнической парадигмы, стремившихся подчеркнуть специфичность того или иного этноса и важность для каждого из них своих языково-культурных интересов⁴. Я полагаю, что многие этнографы, в отличие от антропологов, не забывающих о необходимости борьбы против расизма, недооценили вредность национализма, а поскольку в ближайшем будущем их «политизация», судя по всему, усилится, этому также следует уделить должное внимание.

Если в будущем у меня окажется достаточно времени, то в задуманных мною мемуарах о десятилетиях своей работы в Институте этнографии АН СССР я постараюсь рассказать о том, как, давно поняв необходимость и возможность противостоять недемократическому режиму (а потому и не вступив в КПСС), я старался совместить свое влечение к теоретико-методологическим исследованиям с той конкретной исследовательской работой в области этнической картографии, этнической демографии и этнической экологии, которая, по моим представлениям, отвечала непосредственно потребностям общества. Надеюсь, что это поможет хотя бы части научной молодежи оптимально определиться в жизни. Пока же ограничусь мыслями о том, что происшедший развал СССР и «катастрофичный» переход от полусоциалистической к рыночно-капиталистической экономике с соответствующей буржуазной демократией поставили перед обществоведами, и в частности перед этнологами (этнографами), не меньше трудных проблем (в том числе и относящихся к «гражданственности»), чем было до того. Оплата работающих в этой научной области людей, очевидно, будет более жестко соизмеряться с насущными потребностями общества или с потребностями ведущих политических партий, представляющих интересы тех или иных групп налогоплательщиков. Может возникнуть необходимость не только более основательно аргументировать проведение исследований, скажем, по первобытной экономике, средневековой русской общине или синкретическим верованиям афроамериканцев на о-ве Гаити, но и отстаивать само существование Института этнологии. Ликвидация академических институтов в ГДР после воссоединения с ФРГ говорит о том, что к такому развитию событий следует также готовиться, а для предотвращения их надлежит показывать, так сказать, этнологический «товар лицом», как того требуют законы рынка.

Завершая статью, хочу еще раз отметить актуальность и важность вопросов, поднятых в работе В. А. Тишкова, и высказать некоторые предложения. В наиболее уязвимой позиции в ближайшем будущем могут оказаться сотрудники зарубежных отделов Института этнологии, и именно им следует, вероятно, подумать о том, чтобы, несколько уменьшив прежние занятия, подключиться к разработке этносоциологических, этнопсихологических, этноэкологических и других современных проблем по Российской Федерации. Это могло бы позволить организовать на всей ее территории с помощью местных этнографов и краеведов нечто вроде этнического мониторинга, существенно усилить тот научно-аналитический и научно-информационный потенциал, который в случае необходимости должен быть использован ведущими политиками страны для регулирования региональных межнациональных отношений и разработки стратегических мероприятий по решению национального вопроса. Большие возможности использования этнологических (этнографических) знаний и соответствующих научных сотрудников могут открыться с осуществлением пока еще только желательного внедрения их в систему среднего образования (особенно в «гимназии» и «лицеи») и в систему высшего образования (отнюдь не только гуманитарного профиля). Но само по себе это, разумеется, не произойдет; для этого требуется разработка соответствующих учебных программ, создание учебных пособий и т. д. Полагаю, что этот вопрос, тесно связанный с дальнейшей судьбой этнологической науки, заслуживает специального обсуждения.

Примечания

¹ Далее при цитировании работы В. А. Тишкова соответствующие страницы указываются в тексте.

² Козлов В. И. Особенности этнодемографических проблем в Средней Азии и пути их решения // История СССР. 1988. № 1.

³ См.: Козлов В. И. Национальный вопрос и пути его решения // Советская этнография (далее — СЭ). 1989. № 1; Тишков В. А. О концепции перестройки межнациональных отношений в СССР // Там же; Перепелкин Л. С., Шкартан О. И. Экономический суверенитет республик и пути развития

народов (теоретическая дискуссия вокруг вопросов практической жизни)//СЭ. 1989. № 4; Тишков В. А. Ассамблея наций или союзный парламент? (Этнополитический анализ состава Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР)//СЭ. 1990. № 3; Крупник И. И. Национальный вопрос в СССР: поиски объяснений//СЭ. 1990. № 4; Чешко С. В. Антитезисы к тезисам//Там же; Арутюнов С. А. Об этнокультурном воспроизводстве в республиках//СЭ. 1990. № 5; Козлов В. И. Этнос и хозрасчет (к проблеме национализма в СССР)//СЭ. 1991. № 3, и др.
См.: Козлов В. И. Национальный вопрос: парадигмы, теория и практика//История СССР. 1991. № 1.

Between Ethnography, Ethnology and Reality

The present article is a comment on V. A. Tishkov's «Soviet Ethnography: Overcoming the Crisis» published in the «Ethnographic Review», 1992, № 1. Debating with V. A. Tishkov author considers it necessary to promote theoretical understanding of ethnic processes rather than ethnographic field studies which are now more problematic due to nationalistic outbursts in many regions. The crisis situation in soviet ethnography (the prevalence of descriptive works and inadequate emphasis on theoretical guidelines for nationality policies) is explained by the hard pressure on ethnography from Marxist ideology and the party bureaucrats trying to transform social sciences into humble servants of policy-makers. To overcome this crisis it is suggested to make ethnographic scholarly research in Russia more topical and to establish a network of ethnic monitoring with proper information base and analytic potential.

V. I. Kozlov